

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 2-675:271.2(571.56) “17/18”

DOI 10.17223/19988613/40/1

И.И. Юрганова

«ТОБОЛЬСКИЙ ПЕРИОД» ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ЯКУТИИ: НАЧАЛО МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ДИАЛОГА

Рассматривается начало процесса интеграции вновь присоединенных, окраинных территорий в состав Русского государства на примере деятельности Православной церкви в Якутии в середине XVII – начале XVIII в., когда данная территория в церковно-административном отношении находилась в подчинении архиереев Тобольской митрополии – «Тобольский период». Сделан вывод о том, что изучение истории церкви в Якутии предоставляет возможность расширения научного представления об интеграции отдаленных регионов империи в выполнение общегосударственных, общеимперских задач на путях лояльности и солидарности с основными ценностями ментальности коренных народов, проживающих на этих территориях.

Ключевые слова. Якутия; православная церковь; интеграция; межкультурный диалог.

Включение в первой половине XVII в. Якутского края в состав Русского государства повлекло установление в регионе нового государственного строя и, как следствие, проникновение государственной религии – православия. Одной из основных государственных задач православной церкви стала интеграция обширной территории в состав русского государства.

Целью исследования является изучение распространения православия на территории Якутии в середине XVII – начале XVIII в., когда данная территория в церковно-административном отношении находилась в подчинении тобольских митрополитов – «Тобольский период».

История православия в Якутии в середине XVII – начале XVIII в. не выделялась в отдельную тему исследования и освещалась в контексте изучения истории региона [1–6].

В труде выпускника Казанской духовной академии Г.А. Попова была предпринята попытка дать объективную характеристику деятельности РПЦ в Якутии [7]. Впервые христианизация народов Якутии была рассмотрена в работах Е.С. Шишигина, указывающего, что православие не оказало серьезного влияния на мировоззрение народов, населявших Якутский край [8]. Смена исследовательской парадигмы в российской истории даёт возможность использовать специальную комплексную научную разработку истории православия на северо-востоке России при объективной оценке источникового материала и историографии.

Увеличение Российского государства, включение в его состав новых подданных повлекли за собой кардинальные перемены в жизни присоединенных народов, которые должны были взаимодействовать с новой для них политической системой и экономическим строем, поступая в подчинение русской администрации. Историко-типологические модели интеграции окраинных территорий в состав Русского государства формирова-

лись, развивались и отличались разнообразным обусловленным дифференцированным подходом правительства к окраинам и народам, учитывающим особенности геополитического положения конкретного региона, природно-климатические условия, этнический и религиозный состав населения и др. [9. С. 61].

Исследователи истории христианизации Якутии выделяют две основные причины «устройства православной церкви» на обширной территории Ленского края: необходимость воздействия на служилых, торговых и промышленных людей, которых «трудно было держать в повиновении одними средствами принуждения», и христианизацию местных жителей [10. С. 9]. Не оспаривая этого, можно утверждать, что распространение православия на окраинных территориях являлось прежде всего частью государственной политики Российской империи, средством интеграции в русскую государственность. Параллельно с оформлением административно-территориального устройства новых земель происходило становление структур Православной церкви.

Основой церковно-административной структуры выступали церковные округа (епархии), в том числе «властелинские», к которым относились наиболее древние и крупные в территориальном отношении, пользовавшиеся определенными привилегиями. К «властелинским» была причислена созданная в 1620 г. Тобольская епархия (архиепископия), территория которой, по мере расширения границ государства на северо-востоке Сибири, увеличивалась. Сибирские владыки считались «сильными» не только в духовных делах, им было предоставлено право личного обращения к царю, и порой в Москве им доверяли больше, чем воеводам.

Светская власть и патриарх, стремясь к расширению и укреплению православия на восточных рубежах, поднимали вопрос о создании в Сибири новых церков-

но-административных единиц. Попытка рассмотрения этого вопроса была предпринята на церковном соборе 1667 г.: «В царстве Сибирском в Тобольске вместо архиерейской митрополии быть в Томске – епископу, на Лене – епископу быть», но принятое решение было выполнено частично – тобольский архиепископ получил сан митрополита, но епископство создано не было, так как количество сибирских храмов оказалось недостаточным для содержания аппарата епархиального управления и, кроме того, тобольские владыки стремились сохранить за собой монополию духовной власти [11. С. 708]. На церковном Соборе 1681 г. царем Федором Алексеевичем вновь было внесено предложение об открытии в Сибири особой архиепископии, отдельной от Тобольской митрополии, с кафедрой в Енисейске и содержанием от государственной казны, но Собор постановил: «... в дальние грады, на Лену, в Дауры, из той же епархии посылать от духовного чину архимандритов и игуменов или священников добрых... а епископам в тех дальних городах быть не удобно малолюдства ради христианского народа» [12. С. VIII–IX]. Тем не менее в ноябре 1681 г. был подписан указ царя с «приговором патриарха» о «пожаловании средств из государевой казны для удовольствия новых архиереев – в Томске, Енисейске и на Лене», но изменение политической обстановки в стране не позволило обеспечить контроль за выполнением указа, и можно констатировать, что к концу XVII в. церковное управление огромной территорией было сосредоточено и обеспечивалось одним лицом – митрополитом Тобольским (Сибирским) [13. С. 365].

Во второй половине XVII в. митрополия была разделена на три разряда (Тобольский, Верхотурский и Енисейский), состоящих из десятин, каждая из которых по своей протяженности могла сравниться с епархиями европейской части. К началу XVIII в. действовало шесть десятин (Даурская, Илимская, Иркутская, Киренская, Селенгйская и самая обширная – Якутская), в каждую из которых были назначены десятильники (другое название десятинники) и заказчики, чьи обязанности состояли в сборе окладных и неокладных сумм митрополии (десятой части церковных и монастырских доходов в пользу архиерея), оглашении указов и распоряжений церковных властей, общем наблюдении за поведением духовных лиц и ведением судебного делопроизводства, поступавшего на рассмотрение митрополита. Десятильники имели воинскую команду для охраны и сопровождения денежных сумм.

Сведений о якутских десятильниках немного. Известно, что в 1680–1690 гг. таковым являлся боярский сын Иван, в 1695 г. – боярский сын Василий Аврамьев [14. С. 26, 59–60]. Сборы были нерегулярными, десятильники часто менялись и впоследствии их должность была совмещена с должностью заказчиков, в качестве помощников которых появляются поповские старосты, а затем – благочинные.

Вместе с тем до конца XVIII в. духовная власть Сибири по всем вопросам церковного управления в Якутском крае обращалась к строителям Спасского монастыря, что свидетельствует о незначительной роли якутских десятильников. Источники отмечают, что «Якутск со своего основания ровно сто лет находился в церковной зависимости от удаленной от него на 6 000 верст Тобольской Митрополии и что в течение первых восьми десятилетий на побережье Лены <...> созидались инородческие обители, <...> поставлялись для молитв часовни... но все это делалось так, что Епархиальный архиерей, Митрополит Тобольский должен был осведомляться или от проезжих или через посылку нарочных: сколько именно церквей в Якутском ведомстве, и где они? Есть ли при них священники и кто таковые, и откуда?» [Там же. С. 145–146]. Очевидно, в Якутске не было никакого уполномоченного от духовного ведомства, который бы регулярно информировал Тобольск о состоянии дел.

В 1639 г. во время проезда через Тобольск первых якутских воевод П.П. Головина и М.Б. Глебова, в царском наказе которым содержалось, в том числе, и указание на строительство храма митрополитом Нектарием¹ для православной церкви в Якутском остроге, были переданы антиминс, образа и царские врата. В начале 1640-х гг. в остроге были сооружены две деревянные церкви (шатровая Троицкая и церковь св. М. Малеина).

Со второй половины XVII в. Якутский (Ленский) край становится одним из промысловых регионов Сибири, что вызвало значительный поток населения. Происходит постоянное увеличение населения острога; в 1633 г. оно составляло 200, в 1651 г. – 250, в 1681 г. – 642 человек [5. С. 20–21]. Большинство промышленников были людьми православными и, учитывая реалии того времени и особенно роль христианства в жизни русских людей, очевидно, что они обязательно посещали храмы.

Старейшим учреждением духовного ведомства на территории Якутии является Спасский мужской монастырь. Датой основания обители принято считать 1663/1664 гг., когда были поданы челобитные царю в Тобольск [15. 1890. № 9. С. 134–140]. В остроге проживали представители черного духовенства – монахи Алексей, Мелевсипп, Макарий и игумен Евфимий. Материальное обеспечение братии было скудным, а их занятия, помимо совершения церковных служб, состояли в миссионерских путешествиях. За век деятельности Якутский Спасский мужской монастырь стал крупным духовным учреждением края, центром управления Якутского казака, оплотом миссионерства в регионе, начинателем духовного образования, а также сложившимся хозяйствующим субъектом, обладавшим значительными финансовыми средствами, но административное устройство монастыря не отличалось устойчивостью и порядком. Епархиальные архиереи находились далеко, и не все настоятели монастыря были чест-

ны и способны к административной деятельности [16. С. 10].

К концу XVII в. в Ленско-Илимском крае действовали 2 соборные церкви в Якутском и Илимском острогах и 7 приходских церквей [5. С. 80]. К 1662–1664 гг. относится память якутского воеводы И.Ф. Большого Голенищева-Кутузова о строительстве храма в Чечуйском волоке [17. Оп. 3. Д. 1406. Л. 3–4]. В 1682 г. действовала Троицкая часовня на Колымской ярмарке [Там же. Оп. 3. Д. 2282. Л. 1–14]. В 1700 г. была построена Зашиверская Спасская церковь, деятельность которой была направлена на христианизацию народов, проживающих на северо-востоке Якутского края. В конце XVII в. в 180 верстах от Якутска в с. Амга была возведена часовня, также служившая миссионерским целям [7. С. 62]. По распоряжению епископа Иннокентия (Неруновича)², дважды посетившего Якутию, были построены церковь в Верхневилуйском зимовье и храм на Колыме. В середине XVII в., после основания Нижне-Колымского и Анадырского острогов, там были сооружены деревянные церкви.

В Якутске, помимо Спасского монастыря, в начале XVIII в. имелись Троицкий собор и Никольская церковь [16. С. 8]. Храмы были построены с благословения тобольских митрополитов казачьим головой А. Шестаковым. Особым расположением местных жителей пользовалась Никольская церковь, она была самой доходной, так как якуты, даже не крещенные, с особым уважением относились к Святителю Николаю и приносили вклады к его иконе.

По неподтвержденным данным, в 1708 г. Якутск посетил епископ Варлаам (Косовский)³, викарий открытого митрополитом Филофеем (Лещинским)⁴ Иркутского викариатства, и заложил каменный соборный храм во имя св. Живоначальной Троицы [15. 1895. № 11. С. 164–165]. Основанием для данных утверждений стала надпись на медной пластине, обнаруженной в 1854 г. при проведении ремонтных работ восточной стороны храма епископом Иннокентием (Вениаминовым)⁵, гласившая, что «основая церковь сия... при державе Благодетельнейшего и великодержавнейшего Господаря нашего и великого Князя Петра Алексеевича, правящу же престол митрополиту Тобольской и Сибирской преосвященному Филофею, Преосвященным Варлаамом, Епископом Иркутским и Нерчинским, <...> в лете 1708 года, месяца июня в 27 день, в граду Якутском...» [Там же. 1895. № 11. С. 164–165].

Православные храмы строились «там, где жили русские» и оказывали значительное влияние на распространение религии. Так, воевода П. Головин приглашал в церковь «многих якутских людей, а дверей церковных велел отворять, <...> велел церковь смотреть и кланяться, не крестясь» [8. С. 27].

В начале XVIII в. правительством был взят курс на сокращение церковного строительства, и первым мероприятием в этом направлении стал «часовенный разбор». Именным Указом от 25 ноября 1707 г. было за-

прещено строительство часовен, но тобольские митрополиты продолжали выдавать разрешения на возведение часовен. В 1722 г. Синодом было принято решение, после которого в митрополии начался «часовенный разбор»: из часовен выносились церковная утварь, строения разбирались или передавались гражданским властям. Митрополит Антоний (Стаховский)⁶ пытался приостановить разбор и в январе 1723 г. направил в Синод письмо с просьбой не разбирать часовни в иногородческих селениях, но получил отказ с требованием строить на месте часовен церкви, предварительно заручившись обязательствами о содержании храма и причта от инородцев. В 1724–1725 гг. в Восточной Сибири было уничтожено более 60 часовен [18]. Разбор продолжался почти пять лет, затем последовало некоторое послабление, и в 1734 г. было разрешено оставить сохранившиеся часовни, но не строить новых. Тем не менее в Якутском крае строительство часовен не прекращалось, но официального их учета не было, и только в XIX в. произошла их «легализация».

До середины XVIII в. в Русском государстве употреблялся термин «служилые люди», подразумевавший всю совокупность представителей административной и военной власти, получавших «государево жалование» деньгами, хлебом и солью. Главным занятием служилых людей в Сибири был «прииск новых земель и неясачных людей» и «привод неясачных под царскую руку». Духовные лица в источниках чаще всего обозначались как «фружники» или «попы», и их деятельность также финансировалась государством. Источники сохранили «памяти» 1646–1654 гг. о выдачи попам и служилым людям Якутского острога хлебного жалования и расписки (отписки) в его получении [17. Оп. 3. Ч. 2. Д. 748. Л. 121–129; Ч. 2. Д. 990. Л. 32–100]. Численность якутских служилых людей увеличивалась, они представляли различные категории населения, в том числе и новокрещенные: «...меньше пополнения давало местное население, которое крестилось редко», так как тогда православие делало свои первые шаги в Якутии [19. С. 112; 21. С. 41].

«Государевы люди» получали жалование в соответствии с занимаемыми должностями. Оно было скудным, и известно, что казаков, например, отпускали летом для заготовки продовольствия на зиму. В таблице указаны годовые оклады духовенства.

Очевидно, что «оклад» попов, дьяконов и дьячков в середине XVII в. соотносим с оплатой службы детей боярских и толмачей как наиболее высокооплачиваемых категорий, но пономари довольствовались меньшим количеством денег, хлеба и соли. Можно отметить к концу столетия некоторое повышение всех видов жалования у детей боярских и толмачей при сохранении размеров оплаты духовным лицам. Заметим, что денежную, соляную и хлебную ругу получали причты и соборных храмов, и приходских церквей, так как не были оформлены ни территории приходов, ни приходская деятельность.

Деньги на оплату жалования доставлялись частично из Москвы, частично из Тобольска. Обычной являлась задержка жалования, приобретая хронический характер. Так, к 1679 г. якутская воеводская канцелярия имела долг в 5 050 руб. [19. С. 82–83]. Ещё большие проблемы возникали с выдачей хлебного жалования. Хлеб закупали в Перми, Вятке и других местах, затем доставляли в Верхотурье, откуда водным транспортом переплавляли в сибирские города. С 1620-х гг. государством была установлена казенная пахота для получения оброчного хлеба в Западной Сибири [7. С. 52].

Незначительность местной пашни и трудности доставки хлеба в Якутский край приводили к систематическому его недополучению. В 1654–1689 гг. служилые люди, в том числе духовенство, недополучили 68 736 пуда [17. Оп. 2. Д. 153. Л. 4].

Источники отмечают, что очень скудным было и обеспечение братии Спасского монастыря и в 1680-х гг. настоятель игумен Евфимий ходатайствовал перед царем Федором Алексеевичем об его улучшении, результатом чего стала выдача земельных угодий по р. Лене и о. Байкалу и небольшая сумма жалования [14. С. 8].

Годовые оклады духовенства

Ружники	Годовые оклады в сер. 1640-х гг.		
	деньгами (руб.)	хлебом (четверти)	солью (пуд)
Попы (священники)	15	10 ржи, 10 овса	3,5
Дьяконы	12	10 ржи, 8 овса	3
Пономари	3,5	4 ржи, 2 овса	1,5
Годовые оклады в сер. 1650-х гг.			
Попы (священники)	12–15	10 ржи, 8–10 овса	3–3,02
Дьяконы	12	10 ржи, 8–10 овса	3
Дьячки	6	6 ржи, 6 овса	2,5
Просвирни	4	4 ржи, 4 овса	1,5
Пономари	3,5	4 ржи, 2 овса	1,5
Дети боярские	5–13	5–12 ржи, 5–25 овса	3,5
Толмачи	5–8	5–8 ржи, 5–6 овса	1,03
Конные казаки	7–9	6 с осьминой ржи, 4 овса	2
Годовые оклады в 1690-е гг.			
Попы (священники)	15	10 ржи, 10 овса	3–3,02
Дьяконы	12	8 ржи, 8 овса	3
Дьячки	6	6 ржи, 6 овса	2,5
Просвирни	4	4 ржи, 4 овса	1,5
Пономари	3р. 16 алтын	4 ржи, 2 овса	1,5
Дети боярские	6–18	5–14 ржи, 5–12 овса	2–3
Толмачи	12–15	12,5 ржи, 8 овса	3
Казаки	5,02	7 ржи, 4–6 овса	2

Источник подсчета: [19. С. 74–78].

Таким образом, служители православной церкви, направленные на окраины государства, получали жалование из государственной казны задолго до реформ начала XVIII в., включивших Русскую православную церковь в государственный аппарат. С начала освоения Якутского края представители духовенства расценивались «как государевы люди», имеющие вознаграждение за свою деятельность.

Первые представители духовенства на территории Ленского края были людьми приезжими, попавшими на окраину государства либо по зову сердца, либо в качестве ссылки за проступки и преступления. Распространителями православной веры являлись не только священники и монахи, но и казаки, торговцы и промысленники. Установлены факты обращения инородцев в христианскую веру служилыми людьми [7. С. 55]. Представители духовенства были прежде всего носителями иной неведомой цивилизации. Их внешние отличия (высокий рост, светлая кожа, светлые волосы и глаза) дополнялись православной ментальностью, так как вся жизнь русского человека была неразрывно связана с церковью: от его социального положения в обществе и до взаимоотношений в семье, быту. После образования Якутского (Ленского) острога начинается

распространение государственной власти далее на северо-восточные и восточные земли, и рядом с первопроходцами, «бок о бок» на неизведанные земли шли священники, одной из функций которых было придание божественного ореола власти «белого царя», личность которого изначально трактовалась для местного населения как царь православный.

Имеются некоторые сведения о первых духовных лицах Якутского края. С образованием Тобольской епархии распространением православия в Восточной Сибири занимались посланцы архиерея (митрополита). По принятой со времени правления царя Ивана IV (Грозного) практике направляющимся на службу в нехристианские уезды воеводам «давалась целая церковная миссия». В источниках упоминаются имена священников – «соборных попов» Стефана Фомина и Стефана Яковлева, иеромонахов Симеона и Порфирия, диакона С. Васильева, прибывших летом 1641 г. вместе (или следом) с первыми якутскими воеводами. Четверо первых «были взяты воеводой из Казани, чтобы на Лене реке без попов не было и служилые бы люди без покаянья и причастия не помирали» [15. 1900. № 28. С. 33]. Данный факт противоречив, и некоторые исследователи указывают, что одного из священников звали

Василий, а иеромонахи и диакон были назначены сибирским митрополитом ранее и находились в Тобольске, где и получили известие об образовании Якутского уезда, после чего они присоединились к «команде» первых якутских воевод [7. С. 51].

Исторические источники не предоставляют возможности установить точное описание событий, но очевидно, что в середине 1641 г. в острог прибыли на постоянное служение духовные лица Тобольской митрополии. Все церковно-богослужебные принадлежности они привозили с собой. В остроге во второй половине XVII в. проводились обязательные праздничные службы, подтверждением чего служит факт привлечения воеводой Головиным попа Стефана (Фомина) к ответу за неправильное поименование на ектении государственной семьи (поименование царских детей после имени патриарха) [17. Оп. 2. Д. 110. Л. 55]. Представители немногочисленного якутского духовенства, а именно тот же поп Стефан, в 1644 г. принимал участие «в заговоре» против воеводы П.П. Головина, который, в свою очередь, доносил Тобольскому архиепископу Герасиму⁷ о возмущении якутских служилых людей «чрезмерной строгостью» присланных в Якутск священнослужителей [Там же. Оп. 3. Д. 498. Л. 1].

В газете «Якутские епархиальные ведомости» имеется сообщение о том, что в 1679 г. боярскому сыну И. Захарову было прислано повеление Тобольского митрополита об отправке Фомина и Яковлева в Тобольск «к розыску в великих церковных и духовных делах, с нарочным посыльщиками, а буде те попы архиерейскому указу учиняться ослушны, <...> то их обнажить священства и снять с их скуфы». Яковлев был отправлен в Тобольск, а Фомин по челобитной градских людей оставлен в остроге, так как «белого священника, кроме Стефана, никого нет» [15. 1890. № 12. С. 186]. Но архивные документы опровергают отъезд Яковлева, так как имеется челобитная Яковлева, датированная 1680–1681 гг. об отводе ему дворового места [17. Оп. 3. Д. 2204. Л. 1–2].

В августе 1649 г. распоряжением Тобольского и Сибирского архиепископа в Якутский острог «по духовным делам» был назначен сын боярский И. Корякин. Источники позволяют установить имя ещё одного духовного лица – дьякона Якутской соборной церкви Спиридона Васильева, наказанного батогами в 1650 г. за «невежливый» разговор с воеводой Д.Ф. Франбековым и назначенного в 1652 г. священником в Енисейский острог [Там же. Оп. 3. Д. 737. Л. 10; Д. 930. Л. 13–16].

В 1709 г., по инициативе митрополита Филофея (Лещинского), в Енисейске состоялся съезд духовенства городов Сибири, куда был вызван настоятель Якутского монастыря Варлаам, посвященный Филофеем в архимандриты и награжденный митрой [15. 1895. № 11. С. 165]. В 1713 г., по указанию Лещинского, «ученый монах» из Якутска Илларион Лежайский был направлен в Пекин начальником первой православной

миссии в Китае в звании наместника Посольского монастыря на Байкале [20. С. 6–7]. Тогда же в Якутск из Тобольска был отправлен уроженец Малороссии архимандрит Феофан, назначенный церковным управителем и настоятелем монастыря и оставшийся в воспоминаниях современников как обладатель «запальчивого нрава» [14. С. 145–147]. В 1730 г. Тобольский митрополит Антоний (Стаховский) произвел в протопопы к Якутскому монастырю А.Г. Тарлыкова. Удалось выявить документы, составленные Тарлыковым в Якутске, что подтверждает факт его пребывания и служения [21. Оп. 1. Д. 10. Л. 16]. Помимо строительства храмов и совершения христианских треб, священнослужителям надлежало крестить языческое население.

В исторической литературе описаны многочисленные факты произвола первых якутских воевод, и тема протеста им длительное время рассматривалась с точки зрения противостояния «трудящихся» и «эксплуататоров» [22. С. 75]. Известны случаи, когда «местам» удавалось «достучаться» до высшего представителя власти в государстве – монарха. Так, в 1658 г. бурятские ясачные князья челом били Алексею Михайловичу на братского воеводу Похабова с просьбой остановить насилие и заменить воеводу [23. С. 117]. Якутские священники также терпели унижения от местных властей. Например, воевода П. Головин заключил в тюрьму своего духовника монаха Симеона, также по его приказу подвергали пыткам иеромонаха Порфирия. Самодурство воеводы привело к тому, что в остроге на некоторое время были прекращены церковные службы, но со временем в Якутске был сформирован стабильно функционирующий клир [24. С. 90].

Во второй половине XVII в. и в начале XVIII в. якутское духовенство было немногочисленно и обслуживало духовные нужды русского населения, сосредоточенного по острогам, острожкам и крестьянским слободам. В связи с недостаточностью кадров духовенства имелись случаи назначения в церковные пономари служилых людей, избранных по согласию населения [17. Оп. 3. Д. 1809. Л. 96–97]. В 1682 г. пашенными крестьянами Чечуйской волости был избран «по приговору в попы» Е. Федоров, которому обществом «на подмогу» было собрано 40 руб. для рукоположения в Тобольске [8. С. 30]. Но это не правило, а скорее исключение из правил.

Вызывает интерес челобитная митрополита Филофея (Лещинского), поданная в 1702 г. царю Петру и свидетельствующая о государственной политике в отношении христианизации местного населения. Митрополит просит: «Буде иноземцы похотят креститься в Православную Христианскую веру своею волею, и чтобы тем иноземцам ко крещению приходить свободно, без ясачных убытков, а ни кому возбраняется»; царская помета гласит: «Некоторые иноземцы похотят своею волею креститься... И их крестить, а не волею никаких иноземцев не крестить, и ясак с них не складывать, только спрашивать, какой

ради причины приходят по Святому крещению и вере Православной» [8. С. 40–44]. Это первые сведения об ином подходе главы государства к вопросам христианизации, закрепленном в дальнейшем в специальных указах, свидетельствующих о постепенном переходе к массовой христианизации. В 1714 г. царским указом тобольскому митрополиту было предписано уничтожать кумиров и кумирниц у вогуличей, остяков, татар и якутов и крестить их в христианскую веру, но уже в 1719 г. появляется указ Сената о запрете насильственного крещения инородцев, что в дальнейшем стало государственной политикой в отношении христианизации. Высшим повелением было определено, что крещение должно быть добровольным, осознанным, и, кроме того, новоокрещенные не освобождались от уплаты ясака, являвшегося одним из основных стимулов вступления в православие.

Вопрос об освобождении от уплаты ясака при крещении остается дискуссионным. До 1640-х гг. ясак не регламентировался – брали «сколько возьмут». Затем были установлены размеры ясака, а ясакоплательщики переписаны в ясачные книги. В монографии Е.С. Шишигина указывается, что в Якутии в XVII в. ясак после крещения не снимался [Там же]. В челобитной Филофея (Лещинского) также отмечается о сохранении ясачного сбора при крещении. Источники более позднего Иркутского периода (1731–1852 гг.) в списках новоокрещенных Якутского края имеют отметку (напротив фамилии неофита) о 3-летнем освобождении от ясака [25. Оп. 1. Д. 920]. Вероятно, что государственная политика в отношении оплаты ясачного сбора для вступающих в православие жителей Якутского края претерпевала изменения, зависящие от количественного уменьшения добываемой пушнины и повышения численности православного населения, тогда как православные Иркутского, Селенгинского, Барузинского, Нерчинского острогов имели эту льготу постоянно.

В вопросах крещения проявлялась осторожность, и каждый конкретный случай рассматривался гражданской администрацией без учета пожеланий духовенства. Историки объясняют данный факт тем, что в XVII в. «крещение аборигенов проводилось обычно только с разрешения воеводы, которому желающие креститься или их ходатаи подавали челобитные» [26. С. 176–177]. Вероятно, что основной причиной медленного процесса христианизации Ленского края при его освоении являлась политика государства. Территория проживания народов Сибири признавалась государственной (или царской) собственностью, и мероприятия государственной власти по отношению к народам Якутии сводились к обеспечению максимального и бесперебойного поступления ясака. В Инструкции, составленной российским посланником в Пекине С. Владиславовичем-Рагузинским в 1728 г., ставшей одним из первых документов по управлению народами Сибири, местным родоначальникам вменя-

лись в обязанность сбор ясака, право управления над сородичами и суд над ними по незначительным делам [24. С. 173–174].

В то же время правительство неоднократно напоминало воеводам о необходимости миссионерско-просветительской деятельности. В наказе от 10 февраля 1644 г., данном на имя якутских воевод В.Н. Пушкина и К.И. Супонева, разъясняется: «А будет кто изъ ясачных людей похочет самовольно креститься, и тех людей велеть крестить, сыскать об них допрям, что свою-ли волею они хотят креститься, а крестя устраивать их в государеву службу...». Аналогичный указ был повторен в 1651 г. якутскому воеводе М.С. Лодыженскому. В наказе воеводе И. Большому Голенищеву-Кутузову в 1658 г. отмечается: «Никаких иноземцев и жен их и детей во двор не имати и засылкою самими ни у кого не покупать и не крестити... и служилым и всяким людем крестить не велеть же, чтоб Сибирская Ленская Земля пространялась, а не пустела; <...> а будет кто из женского полу жонки или девки похотят креститься, и тех жонок и девок потому ж велеть крестить и выдавать замуж за новоокрещенных же и за русских служилых людей» [15. 1900. № 11. С. 32–33].

При недостаточности православного женского населения в острогах, отрожках и зимовьях распространенным явлением были браки служилых, промышленных и торговых людей с представительницами местного населения. Дети от этих браков записывались в состав русского населения и, как правило, крестились. Сожительство с «ясырками» приобрело массовый характер, и в 1653 г. в Якутск была направлена грамота тобольского архиепископа, осуждающая подобное поведение и призывающая к крещению и последующему венчанию. Исторические источники сохранили любопытный факт: новоокрещенная жена служивого человека обманным путем окрестила другую женщину «за что была бита батогом» [27. С. 164]. Мужчин крестили в большинстве случаев при зачислении «на государеву службу» в служивые, недостаток которых всегда был в отдаленных окраинах государства. Новоокрещенные, как люди местные, хорошо знающие край, пополняли отряды служилых людей, способствовали его быстрейшему освоению. Необходимо отметить, что при крещении мужчин принималось во внимание их материальное положение: в случае если неофит не имел возможности вносить ясак и был бесскотным, его крестили.

Можно выделить несколько основных причин добровольного принятия крещения, нашедших отражение в документальных источниках: переход на службу к служилым людям – «показания якутской женки о продаже её служилому и о желании её креститься» (1660 г.), «челобитная «боярского сына Галкина о дозволении крестить купленную им югагирку в православную веру» (1645 г.), записи о крещении «ясырей служилых людей и их прижитков» (1640 г.); матери-

альный интерес – «прозьба якутки окрестить и взять её к русским, чтобы не умереть с голода» (1650-е гг.) [17. Оп. 2. Д. 31. Л. 57–60; Д. 110. Л. 26; Оп. 3. Д. 161. Л. 6; Д. 862; Д. 1066. Л. 49–50; Д. 1616. Л. 1–2; Д. 1723. Л. 90–92, 202–204; Д. 1754. Л. 1; Д. 1869. Л. 1–3].

С 1720–1730-х гг. государство вновь изменяет своё отношение к христианизации. Указ 1731 г. требовал давать новоокрещенным «всякие льготы». В 1733 г. был издан указ «О нечинении обид и притеснений ясачным людям, живущим в Якутском воеводстве и в Камчатке» [28. С. 131–132]. В 1740 г. – указ о запрещении «принуждения ко крещению». Указы устанавливали ряд льгот, предоставляемых при крещении, в том числе 5-летнее освобождение от уплаты ясачного обложения. Предусматривалась система подарков для вступивших в православие, в том числе, помимо ясачной льготы, медные кресты, рубахи и кафтаны, шапки и рукавицы, чирики и чулки. Представители местной знати получали серебряные кресты, суконные кафтаны и сапоги, женщины – украшения. Новоокрещенным выдавались денежные средства, а семья, принявшая православие в полном составе, одаривалась иконой. После принятия православия «родовичами» общий объём ясака оставался неизменным и рассчитывался по численности некрещенных членов рода, в связи с чем понятна недоброжелательность к новоокрещенным со стороны их сородичей, тягловые обязательства которых увеличивались. Помимо этого, существовала практика, когда в случае смерти крещенного инородца его ясачный оклад распределялся среди его родственников с учетом «недоимок» за время использования им льгот по освобождению от ясака. Указом 1740 г. некрещенные ясачные должны были вносить яsak и за себя, и за своих окрещенных земляков. Одаривание крестами и иконами и 3-летняя ясачная льгота были сохранены императорским указом 1764 г., отменившим систему подарков при крещении.

Очевидно, что «при всей тяжести ясачного податного гнета политика московского государства не вела к истреблению коренного населения, не приводила к нарушению его образа жизни и хозяйственного уклада, уничтожению его самобытности» [29. Ч. 1. С. XLIV–XLVII]. Русская власть постепенно вырабатывала методы взаимодействия с инородцами, применяя их на практике, которые отражены в инструкциях сибирским воеводам и землепроходцам. Служилые люди были должны «иноземцам никакие тяготы не чинить», объявлять им государево милостивое слово» о государственной их защите и сборе ясака, после этого «лутчих иноземческих князцов» требовалось привести по их вере к присяге-шерти и взять аманатов. И только приведя к присяге и обезопасив себя взятием заложников, служилые люди могли приступить к сбору ясака.

В фольклоре народов Сибири установление нового государственного порядка оценивается прагматично, как возможность прекращения междоусобных распри и гарантия защиты от врагов. Ясакоплательщики обеспечивали доходы государства, и основой государственной политики в Якутии являлось не уничтожение, а сохранение и увеличение численности местных жителей. Поиск мирных путей взаимодействия с местным населением был обусловлен и малочисленностью русских вооруженных сил.

В период первой половины XVII в. народы Якутской (Ленской) земли приводились к присяге (шерти) на принятие русского подданства, что стало началом диалога между российской цивилизацией и традиционными этническими культурами. Мероприятия по христианизации местного населения только начинались, и первые инородцы, принявшие православие, включались в сферу действия русской ментальности: изменяли имя, получали фамилию, происходила перемена языка, одежды, поведения и зачастую они обрывали связи с сородичами, в случае если новоокрещенный переезжал на жительство в острог или русское поселение. Очевидно, что переходить в православие язычникам было проще, чем представителям монотеистических религий, и это, в частности, находит объяснение в мирном характере христианизации края. Исторические источники и народные предания не сохранили упоминаний о восстаниях и мятежах, направленных против крещения неофитов. Имеющиеся сведения о проявлениях открытого неповиновения властям связаны прежде всего со своеволием и произволом представителей государственной власти.

Таким образом, процесс христианизации в Якутии происходил с учетом государственной региональной политики, приоритетом которой являлось «бесперебойное поступление ясака в государеву казну», и православная церковь, в лице первых её представителей на территории необъятного Якутского края, выполняла общегосударственные задачи интеграции, но вместе с тем, в связи с незначительной численностью духовенства, их бесконтрольностью, территориальной отдаленностью от епархиального центра, неупорядоченностью церковных структур, роль православия в середине XVII – начале XVIII в. была ещё незначительной, и духовенство обслуживало в основном религиозные потребности пришлого населения.

Изучение опыта истории церкви в Якутии представляет возможность расширения научного представления об интеграции отдаленных регионов империи в выполнении общегосударственных, общеимперских задач на пути лояльности и солидарности с основными ценностями ментальности коренных народов, проживающих на этих территориях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Нектарий (Теляшин), митрополит Тобольский и Сибирский в 1636–1640 гг.

² Иннокентий (Нерунович), в 1732–1747 гг. – епископ Иркутский и Нерчинский, первым из иркутских архиереев посетил Якутский край.

- ³ Варалам (Косовский или Коссовский), после открытия в составе Тобольской митрополии Иркутского викариатства стал именоваться епископом Иркутским и Нерчинским, числился управляющим викариатства до 1714 г., затем был переведен в статусе архиепископа в Тверскую епархию.
- ⁴ Филофей (Лещинский, в схиме – Феодор), в 1702 г. хиротонисан во епископа Сибирского и Тобольского с возведением в сан митрополита. В 1711 г. уволен от управления епархией, проживал в Тюменском монастыре, где принял схиму. В 1715–1721 гг. вторично управлял митрополией.
- ⁵ Иннокентий (Вениаминов) (1797–1879 гг.), миссионер Сибири, Дальнего Востока и Аляски, член Синода, ученый-лингвист и этнолог, Почетный член Императорского Русского географического общества. С 1840 г. – епископ (архиепископ) Камчатский, Курильский и Алеутский. В 1853–1860 гг. проживал в г. Якутске. В 1868–1879 гг. – митрополит Московский и Коломенский.
- ⁶ Антоний (Стаховский), митрополит Сибирский и Тобольский в 1721–1740 гг.
- ⁷ Герасим (Кремлев), архиепископ Сибирский и Тобольский в 1640–1650 гг.

ЛИТЕРАТУРА

- Вениамин. арх. Жизненные вопросы православной миссии в Сибири. Сочинения Вениамина, архиепископа Иркутского и Нерчинского. СПб., 1895.
- Догуревич Т.А. Свет Азии: распространение христианства в Сибири в связи с описанием быта, нравов, обычаев и религиозных верований инородцев этого края на основании миссионерских отчетов, записок путешественников и лучших исследователей по данному вопросу. СПб., 1897. С. 102, 126–160.
- Иванов В.Ф. Историко-этнографическое изучение Якутии. XVII–XVIII вв. М., 1974. С. 157–162, 164.
- Иванов В.Н. Русские ученые о народах северо-востока Азии (XVII – начало XX в.). Якутск, 1978. С. 32–41, 43–44.
- Сафронов Ф.Г. Крестьянская колонизация бассейнов Лены и Илим в XVII в. Якутск, 1956. С. 79–92.
- Сафронов Ф.Г. Православное христианство в Якутии. Якутск, 1997.
- Попов Г.А. Христианство в Якутском крае. Очерки по истории Якутии. Якутск, 1924.
- Шишигин Е.С. Распространение христианства в Якутии. Якутск, 1991.
- Дамешек Л.М. Крайняя политика как фактор инкорпорации сопредельных территории Российской империи (XVIII – начало XX в.) // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2011. № 2.
- Шишигин Е.С. Якутская епархия (Краткий исторический очерк). Мирный, 1997.
- О лицах духовного ведомства, об устройстве судов Патриаршего и Епископских, об имуществе домовых Патриарших, епископских и монастырских, о новом разделении Епархий, о благочинии церковном и монастырском, о супружестве Священников, Дяконов и причетников и об уничтожении Царских жалованных монастырям грамот, испрошенных Патриархом Никоном (17 июня 1667 г.) [№ 412] // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 1. С. 696–715.
- Мелетий, архимандрит. Древние церковные грамоты Восточно-Сибирского края (1653–1726 гг.) и сведения о Даурской миссии. Казань, 1875.
- О именовании Архиепископов со степенями и о придаче Патриарху и в каждую Епархию подвластных Епископов, с показаниями монастырей и количества дворов, назначенных для их содержания (27 ноября 1681 г.) [№ 898] // ПСЗРИ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 1. С. 364–366.
- Прибавления к Иркутским епархиальным ведомостям. 1866. № 12.
- Якутские епархиальные ведомости.
- Якутский Спасский монастырь. Краткий исторический обзор (1644–1904 гг.). СПб., 1904.
- Российский государственный архив древних актов. Ф. 1177.
- Санников А.П. Православная церковь в Восточной Сибири. Выступление на просветительских чтениях Республиканского фестиваля «Золотые купола». Якутск, 2006 (неопубл.).
- Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. М., 1978.
- Калинина И., Медведев С. Духовный вертоград Сибири // Земля Иркутская. 2000. № 14.
- Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 1-и.
- Трепавлов В.В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2005.
- Окладников А.П. Очерки по истории западных бурят-монголов. Л., 1937.
- Тресвятский Л.А. Влияние Русской Православной церкви на уровень религиозности сибиряков // Вестник Кемеровского университета культуры и искусств. 2010. № 10. С. 88–96.
- Государственный архив Иркутской области. Ф. 50.
- Иванов В.Ф. Письменные источники по истории Якутии XVII в. Новосибирск, 1979.
- Колониальная политика Московского государства в Якутии. XVII в. : сб. докл. Л., 1936.
- О нечинении обид и притеснений ясажным людям, живущим в Якутском ведомстве и в Камчатке (21 мая 1733 г.) [№ 6407] // ПСЗРИ. Собр. 1-е. СПб., 1830. Т. 9. С. 131–132.
- Гурвич И.С. Ясак в Якутии // Материалы по истории Якутии XVII в. (документы ясачного сбора). М., 1970.

Yurganova Inna I. Institute for Humanities Research and Indigenous studies of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia). E-mail: inna.yurganova@mail.ru

"THE TOBOLSK PERIOD" OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN YAKUTIA: THE BEGINNING OF A DIALOGUE AMONG CIVILIZATION.

Keywords: Yakutia; Russian Orthodox Church; integration; dialogue among civilizations.

The article discusses the beginning of the integration process of newly received, the suburban areas of the Russian state on the example of the Russian Orthodox Church activities in Yakutia in the middle of XVII – the beginning of XVIII centuries, when this territory in the church and administrative respect was subordinate to the bishops of Tobolsk archdiocese – “the Tobolsk period”. The spread of Orthodoxy in the outlying territories was, first of all, a part of state policy of the Russian Empire, the way of integration into the Russian state system. Simultaneously with the registration of the administrative-territorial structure of new lands there was the formation of the structures of the Russian Orthodox Church. This article describes the attempts of creation of individual dioceses on the territory of the archdiocese, some information about the Yakut clergymen and number of “monarchic people” in Yakut area, notes the facts of receiving all types of government salaries by spiritual persons of Yakutia, identifies the main reasons for acceptance of a christening by the local population and the dependence of rate of the Christianization on the state regional policy, a priority of which in the middle of XVII – the beginning of XVIII centuries was the incoming of tribute paid off in furs. The growth of the Russian state, inclusion a new citizens in its structure caused cardinal changes in life of the conjoint people which has to interact with new to them political and economic system, coming to submission of the Russian administration. During research, interest of the government in distribution of Orthodoxy that found reflection in the orders which were given to local magistrates is revealed. It is obvious, that during the studied period there was a caution

in christening questions when each case was considered by administration without the opinion of clergy. We have found that in the second half of XVII – the beginning of XVIII centuries the Yakut clergy was not numerous, geographically remote from the center and served, in common, the spiritual needs of the Russian population, concentrated in ostrogs, outposts and peasant settlements. It is noted, that the state policy was not directed on extermination of the indigenous people, did not lead to a breach of their way of life and economic structure. The attention is paid to the discussion character of the matter of releasing the neophytes from tribute. The author makes the conclusion that experience of studying history of church in Yakutia gives the opportunity of expansion of scientific idea of integration of the remote regions of the empire into implementation of nation-wide, all-imperial tasks on the ways of loyalty and solidarity with the main values of mentality of the indigenous people on these territories.

REFERENCES

1. Archbishop Veniamin. (1895) *Zhiznennyye voprosy pravoslavnoy missii v Sibiri. Sochineniya Veniamina, arkhiepiskopa Irkutskogo i Nerchinskogo* [Vital issues of the Orthodox Mission in Siberia. Works of Veniamin, Archbishop of Irkutsk and Nerchinsk]. St. Petersburg: [s.n.].
2. Dogurevich, T.A. (1897) *Svet Azii: rasprostraneniye khristianstva v Sibiri v svyazi s opisaniem byta, nrayov, obychev i religioznykh verovaniy inorodtsev etogo kraya na osnovanii missionerskikh otchetov, zapisok puteshestvennikov i luchshikh issledovateley po dannomu voprosu* [Light of Asia: The spread of Christianity in Siberia in connection with the description of everyday life, morals, customs and religious beliefs of foreigners of this region on the basis of the missionary reports, travelogues and the best researchers on the subject]. St. Petersburg: P.P. Soykin. pp. 102, 126-160.
3. Ivanov, V.F. (1974) *Istoriko-etnograficheskoye izucheniye Yakutii. XVII–XVIII vv.* [Historical and ethnographic study of Yakutia. The 17th – 18th centuries]. Moscow: Nauka. pp. 157-162, 164.
4. Ivanov, V.N. (1978) *Russkie uchenyye o narodakh severo-vostoka Azii (XVII – nachalo XX v.)* [Russian scientists about the Northeast Asia nations (The 17th – early 20th centuries)]. Yakutsk: Yakutsk Book Publ. pp. 32-41, 43-44.
5. Safronov, F.G. (1956) *Krest'yanskaya kolonizatsiya basseynov Leny i Ilima v XVII v.* [Peasant colonization of the Lena and Ilim basins in the 17th century]. Yakutsk: Yakutsk Book Publ. pp. 79-92.
6. Safronov, F.G. (1997) *Pravoslavnoye khristianstvo v Yakutii* [Orthodox Christianity in Yakutia]. Yakutsk: Yakutsk Book Publ.
7. Popov, G.A. (1924) *Khristianstvo v Yakutskom krae. Ocherki po istorii Yakutii* [Christianity in Yakutsk Region. Essays on the history of Yakutia]. Yakutsk: [s.n.].
8. Shishigin, E.S. (1991) *Rasprostraneniye khristianstva v Yakutii* [The dissimination of Christianity in Yakutia]. Yakutsk: Yakutpoligrafizdat.
9. Dameshek, L.M. (2011) The borderland policy as a factor of incorporation of frontier territories of the Russian Empire (the 17th – early 20th centuries). *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. 2. (In Russian).
10. Shishigin, E.S. (1997) *Yakutskaya eparkhiya (Kratkiy istoricheskiy ocherk)* [The Yakut diocese (A brief historical sketch)]. Mirnyy: [s.n.].
11. Russia. (1830) On people of the spiritual department, on the Patriarch and Bishops courts, on the Patriarchal, Episcopal and Monastic properties, on the new division of dioceses, deaneries of the church and the monastery, on the marriage of priests, deacons and sextons and the destruction of the Royal grant of Monasteries Charters requested by Patriarch Nikon (June 17, 1667) [412]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 1. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 696-715. (In Russian).
12. Meletios, Archimandrite. (1875) *Drevnie tserkovnye gramoty Vostochno-Sibirskogo kraya (1653–1726 gg.) i svedeniya o Dauriskoy missii* [The ancient church charters of the East Siberia (1653–1726) and the information about the Dauria mission]. Kazan: University Typography.
13. Russia. (1830) On naming bishops with degrees and on addition to the Patriarch and to each Diocese subservient bishops, with the testimony of the monasteries and the number of households assigned to their content (November 27, 1681) [898]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 1. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 364-366. (In Russian).
14. *Irkutskie Eparkhial'nye vedomosti*. (1866) 12. Appendix.
15. *Yakutskie eparkhial'nye vedomosti*. (1890) 9.
16. Anon. (1904) *Yakutskiy Spasskiy monastyr'. Kratkiy istoricheskiy obzor (1644–1904 gg.)* [Spassky Monastery of Yakutia. A brief historical overview (1644–1904)]. St. Petersburg: [s.n.].
17. The Russian State Archives of Ancient Acts. Fund 1177.
18. Sannikov, A.P. (2006) *Pravoslavnaya tserkov' v Vostochnoy Sibiri. Vystupleniye na prosvetitel'skikh chteniyakh Respublikanskogo festivalya "Zolotyye kupola"* [The Orthodox Church in Eastern Siberia. The speech at the educational readings of the Republican festival "Golden Domes"]. Yakutsk: [unpublished].
19. Safronov, F.G. (1978) *Russkie na severo-vostoke Azii v XVII – seredine XIX v.* [Russians in the north-east Asia in the 17th – mid 19th centuries]. Moscow: Nauka.
20. Kalinina, I. & Medvedev, S. (2000) *Dukhovnyy vertograd Sibiri* [The spiritual garden of Siberia]. *Zemlya Irkutskaya*. 14.
21. The National Archives of the Republic of Sakha (Yakutia). Fund 1-i.
22. Trepavlov, V.V. (2005) *"Belyy tsar'": obraz monarkha i predstavleniya o poddanstve u narodov Rossii XV–XVIII vv.* [The "White Tsar": The image of the monarch and the idea of citizenship among peoples of Russia in the 15th – the 18th centuries]. Moscow: Vostochnaya literatura.
23. Okladnikov, A.P. (1937) *Ocherki po istorii zapadnykh buryat-mongolov* [Essays on the History of Western Buryat-Mongols]. Leningrad: OGIZ.
24. Tresvyatskiy, L.A. (2010) Effect of Russian Orthodox Church on the level of Siberians' religiousness. *Vestnik Kemerovskogo universiteta kul'tury i iskusstv – Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*. 10. pp. 88-96. (In Russian).
25. The State Archives of the Irkutsk region. Fund 50.
26. Ivanov, V.F. (1979) *Pis'mennyye istochniki po istorii Yakutii XVII v.* [Written sources on the history of Yakutia in the 17th century]. Novosibirsk: USSR AS.
27. Al'kor, Ya.P. & Grekov, B.D. (eds) (1936) *Kolonial'naya politika Moskovskogo gosudarstva v Yakutii. XVII v.* [The colonial policy of the Moscow state at the Yakutia in the 17th century]. Leningrad: USSR AS.
28. Russia. (1830) On insults and harassment caused to Yassak people living in Yakutia and Kamchatka (May 21, 1733) [6407]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. p. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 131-132.
29. Gurvich, I.S. (1970) *Yasak v Yakutii v XVII veke* [Yasak in Yakutia in the 17th century]. Moscow.